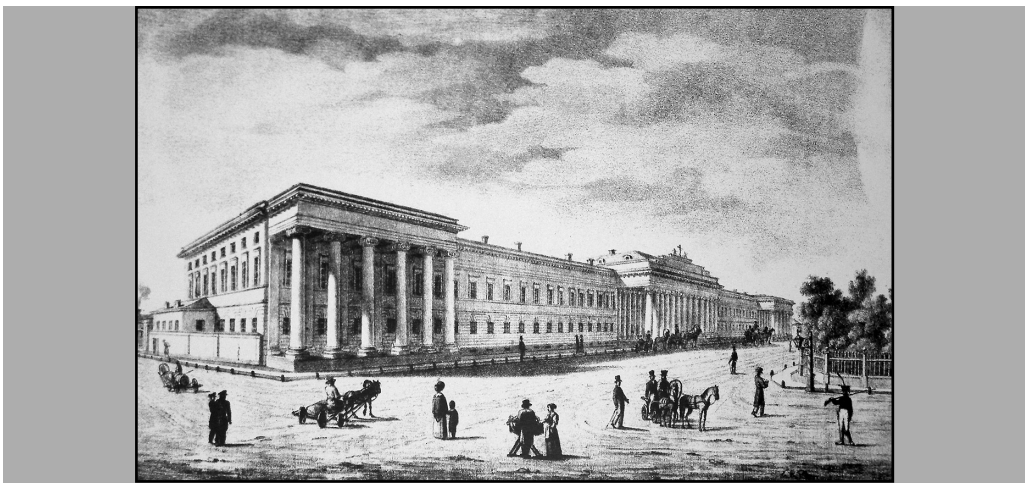
«Почти все части нашего хозяйства ожидают улучшения»

(О. М. Ковалевский и В. П. Молоствов о состоянии Казанского университета 150 лет назад)

С конца 1854 г. Министра народного просвещения А. С. Норова* занимал вопрос о состоянии Казанского университета. Он возник в связи с доносами на попечителя Казанского учебного округа (КУО) В. П. Молоствова**, которые поступили через III отделение Собственной Его императорского величества канцелярии[1]. Доносы, главным образом, содержали отрицательные характеристики казанского студенчества, профессоров, а также руководства округа. Молоствов был вынужден докладывать министру о каждой «шалости» студентов.

Положение осложнялось тем, что 10 января 1855 г. скончался ректор университета И. М. Симонов. Кто теперь возглавит университет? Попечитель КУО В. П. Молоствов предложил кандидатуру выдающегося ученого востоковеда, исполнявшего обязанности ректора во время болезни И. М. Симонова, Осипа Михайловича Ковалевского.

Исследователь жизни и деятельности О. М. Ковалевского Г. Ф. Шамов считал, что «А. С. Норов возражал против его кандидатуры, ссылаясь на участие О. М. Ковалевского в освободительном движении польского народа»[2]. Хотя в частном письме попечителю округа от 9 февраля 1855 г. он писал, что «с удовольствием принял бы на себя ходатайство об утверждении его (Ковалевского. — *С. Ф.*) ректором, если б не другие обстоятельства, препятствующие исполнению сего». Что же препятствовало назначению Ковалевского ректором: польское происхождение, католическое вероисповедание или участие в освободительном движении польского народа? Ответов на эти вопросы мы не найдем в

---

* Норов Авраам Сергеевич (1795-1869), писатель, член Государственного совета, действительный тайный советник, участник Отечественной войны 1812 г., управляющий Министерством народного просвещения (1853 г.), Министр народного просвещения (1854-1858 гг.) (см.: Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Собр. и ред. Л. Б. Модзалевский. – М.-Л., 1948. – С. 773).

** Молоствов Владимир Порфирьевич (1794-1863), военный губернатор г. Воронежа и воронежский гражданский губернатор (1841 г.), попечитель Казанского учебного округа (1847-1857 гг.), сенатор (1859 г.) (см.: Фролова С. А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых (вторая половина XVIII в. — 1861 г.): Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 1998. – С. 164-203).

письме министра попечителю. А. С. Норов считал, что О. М. Ковалевский достоин «занять в Восточном факультете С.-Петербургского университета ординарную кафедру, которую занимал он с такою честью в Казани»[3].

Через три дня после получения письма Норова, 20 февраля, Молоствов уехал в Петербург, где пробыл по начало марта (20 марта он вернулся в Казань).

Во время встречи с министром просвещения Молоствов убедил его назначить ректором О. М. Ковалевского. Сделать это было нелегко, но все-таки попечитель отстоял его кандидатуру. 3 мая 1855 г. Александр II после доклада министра утвердил О. М. Ковалевского ректором Казанского университета.

Норов потребовал, чтобы новый ректор немедленно явился в Петербург, как только вернется в Казань Молоствов[4]. Ковалевский, будучи в столице, по просьбе министра охарактеризовал состояние университета в своем письме от 30 июня 1855 г. Это неофициальный документ. Он отложился в составе личного архива Норова, хранящегося ныне в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Письмо интересно тем, что написано, во-первых, в эпоху «александровской оттепели», когда можно было более открыто говорить о наболевших вопросах. Во-вторых, автор письма — не только выдающийся ученый-монголовед, но и администратор, хорошо знакомый с положением дел в университете и в округе. Свыше двадцати лет (с 1834 г.) он был секретарем издательского комитета «Ученых записок Казанского университета». С 1839 г. О. М. Ковалевский — председатель комитета по приему экзаменов у лиц, желающих стать учителями, в 1844 г. — директор Второй Казанской гимназии и управляющий школами Казанской губернии[5].

Вопросы, поднятые ректором в письме к министру, затрагивают финансовое положение университета, проблемы с подготовкой профессорско-преподавательского состава, научно-исследовательскую и педагогическую деятельность, успеваемость и нравственность студентов.

Для ознакомления с положением дел в университете А. С. Норов 21 сентября 1855 г. приехал в Казань[6]. Почти через год попечитель округа снова обратился к министру с донесением, в котором охарактеризовал положение Казанского университета. По предписанию Норова Молоствов составил проект по улучшению состояния университета[7].

Эти документы отложились в фонде канцелярии попечителя Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан в деле «Об улучшении состояния Казанского университета». Донесения В. П. Молоствова представляют собой черновые отпуски. Они позволяют проследить не только ход рассуждений попечителя, но и показывают его первоначальные намерения, усиленные новыми выражениями, и мысли, вообще исключенные из окончательного варианта донесений. Беловые рукописи донесений казанского попечителя хранятся в фонде Департамента народного просвещения в Российском государственном историческом архиве в деле «по ходатайству попечителя КУО о принятии мер к улучшению состояния Казанского университета в связи с от-

В. П. Молоствов. Начало 1860-х гг.
ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 7685.

ливом из него профессоров в столичные университеты, неудовлетворительным финансовым положением, трудностями в издании трудов профессоров из-за отсутствия местных органов цензуры и др[угими] неблагоприятными условиями провинциальной жизни»[8]. Имеющиеся расхождения с документами, хранящимися в Казани, отмечены в тексте.

Сравнение проекта В. П. Молоствова и записки О. М. Ковалевского свидетельствует о том, что ректор принимал активное участие в составлении проекта, хотя прямые указания на то, что Молоствов поручил Ковалевскому представить свои предложения в отношении университета, отсутствуют. Тем не менее многие положения попечительского проекта повторяли записку ректора, что еще раз доказывает тесное взаимодействие попечителя с руководством университета.

Донесение Молоствова от 14 февраля 1857 г. интересно также тем, что являлось, на наш взгляд, своего рода подведением итогов его десятилетней деятельности в должности попечителя. Некоторые из проблем, обозначенных Молоствовым, до сих пор остаются нерешенными. Размышления государственного чиновника о роли и значении высшего учебного заведения в провинции, положении ученых и об отношении к ним общества не потеряли актуальности до настоящего времени.

Документ № 1 публикуется впервые, остальные документы были частично опубликованы в «Гасырлар авазы — Эхо веков»[9]. Некоторым из документов даны неверные названия. Под № 2 Е. А. Вишленковой и М. Х. Гизатуллиным опубликована «Докладная записка» министра А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову, хотя на самом деле это — предписание. При этом, осуществляя публикацию донесения В. П. Молоствова А. С. Норову от 14 февраля 1857 г., авторы публикации ввели читателей в заблуждение, указав, что в РГИА один лист документа утрачен, опубликовав только два из восьми пунктов донесения попечителя. В РГИА донесение В. П. Молоствова имеется полностью, о чем говорится в настоящей публикации.

О. М. Ковалевкий. Конец 1850-х гг.
История Казанского университета. – Казань, 2004. – С. 110.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 46, д. 188, л. 1.
2. Шамов Г. Ф. Научная деятельность О. М. Ковалевского // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956. – С. 179.
3. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7046, л. 9 об.
4. Там же, д. 6902, л. 171.
5. Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. – Казань, 1983. – С. 64.
6. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Собр. и ред. Л. Б. Модзалевский. – М.-Л., 1948. – С. 773.
7. РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 6.
8. Там же.
9. Вишленкова Е. А., Гизатуллин М. Х. Как жилось университетскому преподавателю в Казани первой половины XIX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 1. – С. 236-238.

№ 1. Письмо ректора Казанского университета О. М. Ковалевского Министру народного просвещения А. С. Норову

30 июня 1855 г.

Вашему высокопревосходительству благоугодно было указать мне на то значение, какое желательно доставить Казанскому университету на рубеже Азии и Европы, ввидах распространения образованности, основанной на твердых началах народного просвещения, в отдаленных частях нашего обширного отечества. Призванный Вами сюда на короткое время, не имея под рукой сведений о состоянии высшего учебного заведения, к сожалению, я вынужден на сей раз ограничиться несколькими общими мыслями в полной уверенности, что они при отеческом Вашем внимании к нашим местным нуждам и неисправностям не останутся как via de videvia и послужат предметом дальнейшего размышления, целью и способам постепенных улучшений.

Прежде всего, долгом считаю обратиться к материальным нуждам университета. Эти средства в настоящее время слишком скудны[1] и, смею сказать, осязательно недостаточны не только для какого-либо нового предприятия, но даже для поддержания существующих ныне заведений. С распространением университетских знаний и с возвышением цен на все необходимое в Казани университет на каждом шагу ощущает новые нужды без надежды на новые способы удовлетворить им. Кроме того, бывший у нас разряд восточных языков по своему значению и объему постоянно требовал особенных пожертвований со стороны университета на приобретение книг, рукописей, монет и других учебных пособий, на производство жалованья сверхштатным профессорам с явным ущербом для прочих факультетов. Итак, обеднела библиотека по разным частям человеческих знаний от недостатка сумм на выписку новых сочинений для других кафедр. Журналы и ученые газеты получались нами по истечении года, а иногда и двух лет, и наука в Казани страдала безвинно. Астрономическая обсерватория, обогащенная истинно царскими щедротами, теперь требует значительных исправлений для размещений и употребления некоторых инструментов, хранящихся доселе по необходимости в ящиках. Равным образом и магнитная обсерватория пришла в упадок. Клиника со всеми своими многосложными заведениями также требует немедленной починки, чтобы не остаться бесполезным зданием для человечества. Университетская даже ограда поражает каждого своим безобразием. Словом, почти все части нашего хозяйства находятся в жалком положении и ожидают улучшения из источников, которые может открыть только одно лишь правительство.

От этой мрачной картины перейдем собственно к университетской семье, на которую устремлены взоры правительства и от которой зависит честь нашего заведения, т. е. к преподавателям и студентам.

Немногие поверят, что звание преподавателя, хотя бы и со званием ординарного профессора, в провинции, на пределах Азии, достойно жалости. Не каждому из преподавателей достается там в удел твердая, непоколебимая воля, которая в состоянии бороться с равнодушием окружающего общества в деле науки, преодолевать все приманки рассеянной жизни, сосредоточиться в себе, ограничиться стенами своего кабинета и в затворничестве трудиться для одной лишь науки и для юного поколения, притекающего сюда со всех сторон с разнообразными убеждениями и привычками. Далее, каждый профессор в Казани есть представитель своей науки, по большей части специалист, для ободрения и развития которого нужно горячее сочувствие извне, соревнование. Для его мысли, какова бы она ни была, нет собеседников, среди которых она могла бы развертываться, совершенствоваться. Поэтому мудрено ли, что эта мысль в самом своем зародыше обречена на скоропостижную смерть, что виновник ее, измученный физически и нравственно, принужден бывает иногда забывать свое звание, искать развлечения вне круга своих собратьев. Приобретенная книга на последние трудовые гроши быстро им прочитывается, а университетская библиотека, по своей скудости, не может доставить новой обильной пищи для его деятельной головы.

Кроме того, мы по опыту знаем с какими трудностями сопряжено приобретение преподавателей для отдаленного от столиц университета. Призыв ученых через конкурс на вакантные кафедры вообще весьма редко оканчивается полным успехом. По необходимости мы обращались к своим питомцам и между ними искали преемников на убылые места, и молодые люди, не имея возможности собственными силами определить сферу своих познаний, со студен[че]ской скамейки переходили на кафедру, скоро исчерпывали весь запас своей учености, начинали почитать себя совершенными по своей части, а университет, желая искусственно сохранить в них энергию к продолжению ученых трудов, поспешно возводил их в высшие звания и чрез то наносил вред и им, и себе.

Отсюда легко приходим к результату о необходимости восстановить в сердце России профессорский институт, откуда молодым ученым откроется путь к занятию профессор-

ских кафедр и в Казанском университете. Между тем предвидится еще возможность поддержки у нас трудолюбия членов университета упрочением ученой деятельности в недрах всех факультетов и вместе охранить ученое звание от постороннего порицания.

До сего времени заседания университетского совета и факультетов ограничивались почти исключительно административными делами, формализмом, часто забывая существенное, то есть главное направление, жизнь чисто ученую, плодотворную для славы и пользы ученого сословия. Здесь я позволю себе высказать одно предположение, которое, по моему мнению, и на берегах Волги должно произвести самые благоприятные следствия. Один только голос министерства в состоянии спасти нас от заслуженного упрека в хладнокровии к нашему долгу.

Мне кажется, что каждый факультет, созывая всех своих преподавателей в особые ученые заседания, может образовать из себя как бы ученое общество, члены которого будут поочередно читать свои ученые записки и рассуждения, дружески беседовать о предметах своей науки и таким способом накоплять статьи как для журнала Министерства народного просвещения, так и для университетского издания. Занятие благородное, достойное профессорского звания! Наука тогда избегнет постыдного застоя. Более опытные преподаватели увлекут за собою начинающих трудиться на ученом поприще и откроют способ короче знакомиться со способностями молодых ученых, желающих посвятить себя учености. Тогда и медицинский факультет, вообще мало у нас пишущий, будет принужден из практических своих занятий извлекать самые утешительные результаты для исследования местных болезней и успешного их врачевания. Сама природа губерний, составляющих казанский участок, с нетерпением ожидает любознательного воззрения от своих гостей. Словом, ни одна отрасль учености в лице своего представителя не останется бесплодною.

Как постоянный редактор, в течение 20 лет, «Ученых записок», издаваемых Казанским университетом, испытывал я всякого рода затруднения при наборе статей, достойных напечатания, и поэтому вернее предсказать будущую пользу от ученого направления университетского сословия.

К подобной деятельности могут быть призваны и наставники средних и даже низших учебных заведений. Плоды их трудов, особенно педагогического содержания, найдут приличное место в прибавлении к упомянутым запискам и составят материалы для нашей народной педагогии, которая имеет свои неопровержимые особенности, вовсе не подходящие под меру заморских педагогов. И здесь непременно возродится умственная связь провинциальных учителей с их рассадником, университетом, — связь неразрывная, животворящая.

Само собой разумеется, что это предложение тем успешнее осуществится, чем полнее будут пособия при учебных заведениях.

Относительно наших студентов, я не смею скрывать их шалостей, которые хотя и оправдываются весьма естественными поводами, но они остаются пороками, достойными преследования. К счастью, эти пороки проявляются в малом числе лиц, поступающих к нам из низших сословий. С усилением университетской полиции, несомненно, станут исчезать и причины жалоб на неприличное поведение молодых людей.

Не могу умолчать, что после издания инструкции для инспектора студентов влияние ректора и профессоров на нравственность молодых людей совершенно прекратилось, между тем как общее содействие членам университета необходимо для упрочения благонравия.

Далее, малоуспешность студентов, особенно в низших двух курсах, происходит явственно от недостаточного приготовления их частным образом к слушанию университетских лекций. По этой причине приемные испытания должны производиться с большей строгостью и осмотрительностью, дабы аудитории не наполнять людьми неспособными пользоваться университетским преподаванием.

В заключение долгом считаю присовокупить, что прекращение преподавания греческого языка в гимназиях подействовало на ослабление классического у нас образования и вместе с тем уменьшило число слушателей в историко-филологическом факультете[2].

Если в этой записке мимоходом раскрыто мною несколько ран Казанского университета, то единственно в твердом уповании на благодушие Вашего высокопревосходительства, которое обладает всеми средствами исцелить наши недостатки и повести нас на путь истины кротостию, свойственною отеческому Вашему сердцу.

Ректор Казанского университета Ковалевский (подпись).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 531, Норов А. С.,
№ 390, л. 1-4 об. Рукопись.

№ 2. Донесение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова Министру народного просвещения А. С. Норову

6 октября 1856 г.

Г. управляющему Министерством народного просвещения.

Обстоятельства, в которых находится в настоящее время наш университет, заставляют меня обратить внимание Вашего сиятельства, в особенности на то его положение, в которое он поставлен со времени своего преобразования, сделавшись переходным для профессоров в другие учебные заведения империи. Мы иногда с гордостью пересчитываем имена лиц, которые, получив образование свое в самой Казани или средства приобрести высшие познания за границей за счет нашего университета, впоследствии переселились в столичные города и там снискали себе известность и уважение[3]. Мы видим, что столичные университеты, несмотря на совершенно другое свое положение, пользуются приготовленными уже в провинции учеными, завлекая их к себе высшими окладами жалованья[4], и возможностью занимать посторонние должности, и богатством своих учебных пособий, и сочувствием самой публики к интересам науки.

Теперь рождается вопрос: может ли Казань — город, удаленный в глубину империи, лишенный ученого движения и сношений с учеными обществами*, испытывающий замедление в приобретении заграничных книг и вообще учебных пособий, затрудненный в издании ученых трудов отсутствием цензуры, не умеющий еще сочувствовать науке и положению ученого, — в состоянии ли он удержать у себя молодого профессора, пропитывающегося низшим окладом жалованья и жаждущего удобств, которыми столицы изобилуют? Кроме того, наш университет давно встречает затруднение в средствах отправлять своих преподавателей за границу для скорейшего ознакомления их с успехами наук в других государствах.

К тому нужно присовокупить, что Казанский университет, истощив все свои материальные средства на полезные предприятия, обратившиеся как, например, восточная библиотека и [минц-кабинет]**, на пользу другого заведения[5], [лишившихся]*** [лишился]**** средств к приобретению важных и необходимых пособий для других отраслей наук,[и]*****внастоящее время[нуждается в]******[необходимо]******* особе вспомоществование [со стороны]******** правительства, чтобы иметь возможность поддержать то, что уже устроено, и двинуться вперед. Дело идет о даровании, если не высших, то, по крайней мере, одинаковых окладов жалованья лицам, служащим в Казанском университете, в сравнении с[о] столичными, а также об увеличении сумм на учебные пособия и о вознаграждении [сделанные]********* за [принесенные]********** им [потери]********** [невосполнимые жертвы]**********. Тогда [и]********** [только]********** наш университет, обладая новыми средствами, в состоянии будет обеспечить себя относительно преподавателей. В молодых [же]********** людях, желающих посвятить себя служению наук[е] на одном ме[с]те, недостатка быть не может, и [тогда]********** переход преподавателей из одного заведения в другое может даже принести несомненную пользу, ускорить размен идей, воспрепятствовать застою мыслей.

НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7140, л. 2-4 об. Рукопись.

---

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (здесь и далее подстрочные примечания к документам автора вступительной статьи, комментарии к упомянутым в документах персоналиям и событиям см. в примечаниях после статьи).

** Дописано чернилами поверх строки.

*** Зачеркнуто.

**** Дописано карандашом поверх строки.

***** Дописано карандашом поверх строки.

****** Зачеркнуто.

******* Дописано карандашом поверх строки.

******** Зачеркнуто.

********* Зачеркнуто.

********** Дописано карандашом поверх строки.

*********** Зачеркнуто.

************ Дописано карандашом на полях.

************* Зачеркнуто.

************** Дописано карандашом поверх строки.

*************** Дописано карандашом поверх строки.

**************** Дописано карандашом поверх строки.

№ 3. Предписание Министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову

Конфиденциально
13 ноября 1856 г.

Господину попечителю Казанского учебного округа.

По возвращении моем в С[анкт-]Петербург доложено мне донесение Вашего превосходительства от 6 октября № 3528 о настоящем положении Казанского университета и о предположениях Ваших к приведению оного в лучшее состояние.

Все, что Ваше превосходительство столь справедливо высказали в сем донесении, было уже у меня в виду[6], и я готов содействовать всеми зависящими от меня способами к охранению личного ученого состава Казанского университета.

Посему покорнейше прошу Вас, милостивый государь, о доставлении мне ближайших Ваших по этому важному предмету соображений.

Министр народного просвещения А. Норов (подпись).

НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7140, л. 1-1 об. Рукопись.

№ 4. Донесение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова Министру народного просвещения А. С. Норову

Конфиденциально
14 февраля 1857 г.

Господину Министру народного просвещения.

Благоугодно было Вашему высокопревосходительству от 13 ноября истекшего года конфиденциально требовать от меня ближайших соображений о моих предположениях к приведению Казанского университета в лучшее состояние.

Все эти соображения более или менее известны уже Вашему высокопревосходительству из личных моих объяснений и неоднократных представлений по разным местным случаям, и теперь, по глубокому моему убеждению, спешу повторить Вам, милостивый государь, что все оне проистекают из близкого моего знакомства с сим высшим в здешнем крае ученым заведением и основываются на ежедневно обнаруживающихся нуждах его как в материальном, так и нравственном отношениях*.

[1)][**]. Итак, на первом месте я вынужден поставить снова необходимость увеличения штатов Казанского университета, по крайней мере в размерах столичных университетов, дабы иметь возможность обеспечить содержание служащих лиц, упрочить существование их на одном месте, обогащать учебные пособия в уровень с успехами наук, дать пищу для постоянных ученых занятий профессорам, поддержать в них стремление к полезному трудолюбию и таким образом нравственно их возвысить в глазах образующегося у нас юного поколения и в глазах окружающего их общества.

2). Учреждение отдельной цензуры при Казанском университете я считаю также одним из самых необходимых условий для облегчения профессоров в их ученых занятиях. Проходят нередко месяцы, прежде нежели посланные в цензуру статьи или сочинения возвратятся обратно к автору; появление [его][***] [их][****] делается уже несовременным, отсталым и отнимает всякую охоту к продолжению занятий и к обнародованию своих трудов. Эта отдельная цензура при университете дала бы особую жизнь журналу, издаваемому с 1834 года при Казанском университете под названием «Ученые записки». Существуя уже 23 года и издаваясь по прежним не удовлетворяющим ни настоящему времени, ни состоянию науки теперь правилам, журнал этот нисколько не может дать обществу свидетельства об ученой деятельности университетского сословия. Публика почти не знает о его существовании, и многие из профессоров, естественно, находят для себя выгоднее помещать статьи в столичных журналах, где труд их вполне вознаграждается. В прошлом году составлена была комиссия для заменения прежних правил издания новыми, могущи-

* Напротив этого абзаца в беловом варианте донесения, хранящегося в фонде Департамента народного просвещения, написано: «Из всех изложенных здесь предложений осуществилось до сего времени по особому представлению только одно: на счет дозволения казенным студентам жить на частных квартирах. Не следует ли это дело вновь доложить г. министру или считать конченным». Дело было возобновлено. 17 марта 1858 г. министр просил нового попечителя Э. А. Грубера доставить ему соображения о личном составе преподавателей Казанского университета (РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 23).

** Этот и последующие номера в начале абзацев поставлены карандашом на полях.

*** Зачеркнуто.

**** Дописано.

ми придать значение и жизнь «Ученым запискам», и я [вполне]* надеюсь, что с будущего года этот важный орган умственной деятельности университета будет уже иметь другой характер, более согласный с требованиями, делаемыми ученому журналу обществом и наукою.

Говоря об увеличении штатов университета, я вовсе не имею в виду прихотей частных или роскоши, извне к нам приходящей, а основываюсь на том, что профессор здешнего университета часто поставлен в необходимость приобрести какое-нибудь ученое пособие, очень дорогое по своей редкости, за значительную цену, между тем как профессор столичного университета пользуется тем же самым в публичной библиотеке бесплатно. Сверх того, столичный профессор имеет очень много способов увеличить свои материальные средства, посвящая свободное время от службы в университете другим занятиям.

3). Наем прислуги и содержание студентов, отопление, освещение и ремонт университетских зданий приводят теперь нас в затруднение, когда нужно указать источники для покрытия неизбежных расходов. Нельзя здесь не упомянуть, что после издания Устава университетов[7] число университетских зданий в Казани увеличилось слишком вдвое, тогда как сумма на их содержание осталась та же самая. Между тем Казанский университет ежегодно по высочайше утвержденным положениям или по министерским разрешениям обязан около 3 500 руб. издерживать на преподавателей и чиновников сверхштатных и до 3 000 руб. расходовать на выдачу профессорам, преподающим дополнительные курсы по медицинскому факультету и в камеральном разряде наук. Эта выдача производится из экономической суммы, которая, как известно, накопляется скудными остатками от прочих штатных положений. С ожидаемым вскоре замещением вакантных кафедр, очень естественно, закроется и последний источник для экономической суммы, а университет лишится возможности поддерживать даже то, что до сего времени заведено.

[Я не смею уже]** [При этом считаю долгом]*** повторить, что приобретение книг и монет восточных, приготовление преподавателей по азиатским языкам, путешествия их, издание их сочинений, словом, поддержка бывшего Восточного разряда, составлявшего один из характеристических элементов Казанского университета, по большей части [причинилась к]**** [была причиною]***** истощения денежных средств его, тем более прискорбного, что увеличение средств [в]****** Восточном факультете, ныне уже не существующем в Казани, совершалось за счет других факультетов. Богатое собрание восточного отделения библиотеки отчислено к С[анкт-]Петербургскому университету, и пополнить недостаток других отделов возможно только с увеличением денежных средств, с единовременным вознаграждением за взятые у Казанского университета восточные рукописи и монеты, в чем Ваше высокопревосходительство в последнее мое пребывание в С[анкт-]Петербурге и изволили обнадежить. По каталогу здешней университетской библиотеки значится, что отправленные в С[анкт-]Петербург восточные книги и рукописи стоили университету 21 467 руб. 28 3/4 коп., а собрание восточных монет около 8 000 руб.

Далее II. Не безызвестно Вашему высокопревосходительству, что в настоящее время почти все университетские кабинеты, по своему богатству, при постепенном умножении учебных пособий, нуждаются в приличном помещении, сообразном с состоянием науки и удобном для изучения их. Препятствовать же необходимому приращению материальной их части [было бы явным противодействием цели учреждения высшего здесь учебного заведения и затруднять успехи наук]******* [и тем затруднять успехи наук было бы явить противодействие цели высшего ученого заведения]********. Поэтому предместники мои ходатайствовали пред министерством о постройке нового здания, в котором предполагалось разместить кабинеты: зоологический, минеральный, нумизматический и кабинет редкостей. Но недостаток денежных средств не дозволил тогда приступить к осуществлению этой мысли, полезной для преподавателей и для студентов, а в нынешнее время подобное предприятие оказывается [совершенно не]********* [едва ли]********** исполнимым.

III. Выше упомянуто было, что в настоящее время содержание студентов по причине постоянно возвышающихся цен на все необходимые предметы приводит университет в большое затруднение, особенно когда принято будет во внимание и то обстоятельство, что сокращение тех удобств, которые в продовольствовании молодых людей столом, пла-

* Зачеркнуто.
** Зачеркнуто.
*** Дописано поверх строки.
**** Зачеркнуто.
***** Дописано поверх строки.
****** Дописано поверх строки.
******* Зачеркнуто.
******** Дописано поверх строки.
********* Зачеркнуто.
********** Дописано поверх строки.

тьем, прислугою и т. д. были им уже предоставлены при прежней дешевизне всего в Казани, теперь оказывается также невозможным*.

Мне кажется, что если бы вместо настоящего содержания студентов в университетских зданиях учредить стипендии для казенных воспитанников, поступающих из гимназий, и для отличных по успехам и поведению студентов с правом жить им в наемных квартирах, то[гда]** университет выиграл бы довольно помещения для своих кабинетов, избавился бы [от] многих забот в административном отношении и студенты сами приобрели б для себя нравственную пользу. Настоящее положение казенных студентов имеет следующие невыгоды: 1 [+]***. Молодые люди, по большей части разного образа мыслей и различных наклонностей, собранные (средним числом около 80 человек) в ограниченном помещении, взаимно стесняют друг друга в своих занятиях и потому не могут употребить свое кратковременное пребывание в университете с полною для себя пользою. 2 [+]****. Квартируя в здании университета, они чувствуют во многих отношениях себя стесненными в сравнении с их товарищами — своекоштными студентами или молодыми людьми их возраста, состоящими уже на службе. И это то необходимое в казенном здании стеснение незаметно [развивает]***** [порождает]****** в них дух неудовольствия, [который всячески стараются поддерживать и разжигать те немногие из их товарищей, которые, скрыв при вступлении в университет свой вредный образ мыслей и порочные наклонности, приобретают впоследствии большое на незрелые еще умы влияние, сообщают свою испорченность и другим и часто, к крайнему сожалению, увлекают своим дурным влиянием достойных молодых людей, которые, живя между тем на частных квартирах у семейных людей, пользовались бы советами последних и отклонялись бы от неблагопристойных и буйных поступков, в которых, к сожалению, более всего можно винить казенных студентов]******* незаметно развиваемый и поддерживаемый некоторыми неблагонамеренными из их товарищей, которые при совместном жительстве необходимо должны иметь на них вредное влияние. Между тем как живя в частных квартирах и будучи более причастны к семейной стороне жизни, всегда благотворной для молодых людей их возраста, они отклонялись бы от вредных увлечений, проистекающих из их изолированного положения. Сверх того, получая [же]******** следующую на их содержание сумму, студенты по взаимному согласию будут размещаться по квартирам сообразно своим склонностям и занятиям, отчего, вероятно, в науке сделают успехи значительнее и много выиграют в нравственном отношении, между тем как надзор за ними много от этого упростится*********.

Подобное изменение в положении казенных студентов имело бы и ту еще пользу, что они во время пребывания своего в университете уже научились бы благоразумно пользоваться своею свободою, и, имея определенные средства к жизни, приучались бы соображать с ними свои расходы, и, таким образом, предоставленные сами себе, незаметно приобретали бы практический навык к жизни**********.

[//]********** Такая свобода еще тем желательна, что на студентов нельзя уже смотреть как на детей и подвергать их надзору, какому подвергаются дети, воспитывающиеся в пансионах и гимназиях. Между тем студентами мы находим по большей части молодых людей, перешедших уже 20-летний возраст, которые до крайности стесняются своим положением в тесном казенном помещении [нумерах]***********, равно как и многими условиями, с [ним]*********** сопряженными [с таким помещением, как напр[имер], стеснительным во многих отношениях контролем университетской полиции, конечно, неизбежной при такой массе молодых людей, живущих вместе]************. [«См. назад. Подобное изменение и проч[ее]»]*************. [«NB. Сходные по характеру и наклонностям,

* Так в документе.
** Зачеркнуто.
*** Поставлен красным карандашом.
**** Поставлен красным карандашом.
***** Зачеркнуто.
****** Дописано поверх строки.
******* Зачеркнуто.
******** Зачеркнуто.
********* Напротив на полях знак «#» и запись простым карандашом: «Польза от соприкосновения своекоштных с казенными». В конце абзаца светло-коричневыми чернилами подведены две черты // и надпись: «См. на след. стр.».
********** В беловом варианте донесения этот абзац идет после абзаца: «Такая свобода еще […] сопряженными» (РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 14 об.).
*********** Дописано чернилами.
************ Зачеркнуто.
************* Дописано поверх строки.
************** Зачеркнуто.
*************** Дописано чернилами.

группировались бы, видимо, хорошие с хорошими, дурные с дурными, а при таких условиях и надзор будет легче. Студенты одних факультетов жили бы вместе, тогда и пользоваться учебными пособиями было бы легче и доступнее»]*.

Представляя вниманию Вашего высокопревосходительства эту меру, я не представляю ничего нового, и в настоящую пору стипендиаты Горного ведомства, Министерства внутренних дел и др., получая от университетского начальства следующую им на обмундирование и содержание сумму, живут на собственных квартирах, и нельзя сказать, чтобы нравственность их стояла ниже нравственности казенных студентов[8].

IV). Обратимся к составу факультетов, и прежде всего к историко-филологическому, которого значение весьма велико, по цели и направлению его и по влиянию его на общечеловеческое образование. Постоянное уменьшение студентов, посвящающих себя изучению филологии, происходит: a) от ослабления преподавания древних языков в гимназиях; b) от ложного взгляда на применение классического образования к практической жизни и c) от недостатка в особом поощрении молодых людей, хорошо приготовленных, к продолжению филологических занятий. В первом случае необходимо восстановление греческого языка в числе предметов гимназического курса[9]; во втором — устранение мелочного и жалкого педантизма, вредного успехам науки, ограничивающегося почти исключительно грамматическими заметками и не обращающего внимания ни на образование эстетического вкуса, ни на обогащение питомцев полезными сведениями; в последнем — назначение поощрительных, по крайней мере временных стипендий или премий.

Что же касается состава нынешнего историко-филологического факультета, я считаю долгом сказать: A). Объявленный конкурс на кафедру греческого языка и древностей, сколько мне известно, вызвал одного только доктора Шарбе[10] к исканию вакантного места, но не привел еще к желаемому результату, особенно если обращено будет внимание на несоответственность представленных им сочинений с требованиями конкурса и на условия для конкурентов этой кафедры, предписанные министерством. Прежде чем я буду иметь честь представить Вашему высокопревосходительству мои соображения по сему делу, спешу довести до Вашего сведения, что в случае, если министерство не имеет в виду лица вполне способного занять место преподавателя по греческой кафедре, я намереваюсь предложить одному из двух магистров древней филологии, а именно адъюнкту Ордынскому[11] или старшему учителю Первой Казанской гимназии Угянскому[12], из коих каждый имеет своего рода заслуги, занять временно вакантное место в университете, впредь до приобретения им высшей ученой степени, требуемой уставом для предоставления какому-либо звания профессора. B). По кафедре русской словесности университет ожидает утверждения г. Пыпина[13] в звании адъюнкта и надеется в нем найти усердного преподавателя и деятельного исследователя отечественной литературы. Утверждение г. Пыпина тем более необходимо для Казанского университета, что профессор русской словесности[14], согласно распоряжению Вашего высокопревосходительства, отправляется с началом будущего академического года за границу. C). По снисходительному вниманию Вашего высокопревосходительства к моему ходатайству история России имеет теперь отличного преподавателя в г. Ешевском[15], которого чтение, своим содержанием и изложением, не без причины так сильно занимало многочисленных слушателей. Впрочем, известно, что сей даровитый преподаватель с особенным призванием занимался и занимается преимущественно изучением всемирной истории. И если адъюнкт Славянский[16], по некоторым обстоятельствам, оставит Казанский университет и кафедру всеобщей истории, г. Ешевский (в ожидании решения своей участи) очень охотно займет его место и в помощь преподавателю русской истории принимает на себя безвозмездное изложение отечественных древностей. Между тем учитель 1-й Казанской гимназии, стяжавший уже себе некоторую литературную известность, г. Соколов[17], оканчивая уже испытание на степень магистра истории под руководством г. Ешевского, подает надежду образовать себя на отличного преподавателя судеб русского народа. На ту же кафедру Казанский университет имеет в виду и кандидата Московского университета г. Попова[18], известного также с отличной стороны по нескольким изданным им статьям и в настоящее время приготовляющего диссертацию на степень магистра. D). Преподавание новых языков, французского и немецкого, идет еще слабо и до тех пор, по моему крайнему убеждению, не сделает никакого успеха, пока наши студенты не станут сознавать необходимости в изучении их. В настоящее же время содержание двойного числа лекторов служит только обременением для университетских финансов, без пользы, нами ожидаемой. E). В заключение нельзя пройти молчанием самого ощутительного недостатка в наших университетах — относительно географии, которая неутомимыми трудами выслужила уже себе имя науки и не имеет своего представителя на кафедре университетской, между тем как в гимназиях

* Дописано над вычеркнутым текстом карандашом и зачеркнуто.

этот предмет заключается четвертым классом, ученики с более зрелыми способностями не имеют средств совершенствовать себя в столь полезном предмете, а училища и гимназии страдают от недостатка знающих свое дело наставников.

V). Что касается юридического факультета, и преимущественно камерального разряда его, то свои о том соображения, по собранию нужных сведений, я буду иметь честь представить Вашему высокопревосходительству особо.

VI). Разряд естественных наук, в настоящее время имеющий не более 6 слушателей, постоянно теряет свое значение, а развитие его сопряжено с многими соображениями и издержками, о чем впоследствии будет сделано особое представление, по собрании надлежащих сведений.

VII). Медицинский факультет принадлежит к числу более развитых, более полных отделов нашего университета. [Смотря на объем некоторых медицинских наук и на желаемую постепенность в изложении их, не трудно, например, было бы преподавание фармакогнозии оставить для студентов 2 курса, а преподавание общей терапии, рецептуры и фармакологии и учение о минеральных водах перенести в 3 курс, с поручением их одному из адъюнктов, находящихся при медицинском факультете, равным образом преподавание частной патологии и терапии острых болезней присоединить к числу предметов, назначенных для 4 курса][*].

Но [гораздо][**] [при всем этом][***] ощутителен недостаток в развитии самой клиники. Не говоря уже о госпитальной клинике, которая до сего времени остается неразрешенною, я могу указать еще на Акушерский институт и на клинику детских болезней.

Предположения университета о первом из них представлены уже министерству в прошедшем году и, без сомнения, будут дозволены. Между тем во внимание к явно обнаружившемуся недостатку в здешнем крае повивальных бабок, и к числу поступивших просьб от частных лиц, и к изъявленному желанию со стороны казанской удельной конторы поместить несколько женщин при университетской клинике для изучения акушерства разрешена уже мною временная мера о допущении женщин к слушанию популярного курса повивального искусства у г. профессора Козлова[19], который добровольно, без всякого возмездия со стороны казны, вызвался быть руководителем и преподавателем этой науки для пользы здешнего края.

Относительно клиники для детских болезней, она не иначе может быть осуществлена, как с помощью пристройки к главному клиническому корпусу. Если эта мысль удостоится внимания Вашего высокопревосходительства, я долгом сочту войти с особым представлением плана и сметы для предполагаемого отделения, крайне нужного при образовании медиков.

VIII. Преподавание педагогии, т. е. теории и истории ее, вовсе не достигает цели чисто практической, крайне необходимой для университета, в котором должны образовываться и учителя для учебных заведений здешнего округа. По моему убеждению, прежний, так называемый Педагогический институт при университете, составленный из 4-х профессоров по главным предметам гимназического курса, как более практическое учреждение, принес бы самую ощутительную для молодых людей пользу. Следовательно, восстановление его могло бы послужить к улучшению метод преподавания и к передаче учительских приемов тем из наших студентов, которые решительно посвящают себя званию педагогов. Готовясь в течение двух или трех лет под особенным руководством профессора к занятию места учителя по избранному им предмету, студент приобретал бы навык и обнаруживал бы свои способности. Преподавание же педагогии в его настоящем виде почти бесполезно, потому что вместо практической подготовки дает слушателям только общую, отвлеченную теорию воспитания, к делу не приложимую, а отличная отметка, полученная студентом на экзамене, нисколько еще не представляет надежного ручательства за его педагогические способности. Восстановление прежнего Педагогического института при университете тем более важно, что Казанский учебный округ весьма нуждается в опытных преподавателях. Этим облегчились бы и занятия испытательного комитета для ищущих звания учительства, потому что способности и степень знания кандидатов обозначались бы еще в продолжение университетского курса, и принимать участие в педагогических упражнениях могли бы и те из окончивших курс в гимназиях, которые ищут звания уездных учителей и которые теперь предоставлены сами себе, готовясь к испытанию без опытных руководителей. Последнее обстоятельство тем важнее, что в Казанском округе почти все места уездных учителей занимаются воспитанниками гимназий, по малому числу оканчивающими курс студентами историко-филологического

* Зачеркнуто.
** Зачеркнуто.
*** Дописано поверх строки.

и физико-математического факультетов, которых недостаточно и для замещения мест в гимназиях. Педагогический институт сделался бы, таким образом, практическою школою для преподавателей, и уничтожение бесполезной кафедры педагогии сократило бы расходы университета.

Попечитель Казанского учебного округа Молоствов (подпись)*.

НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7140, л. 5-17 об. Рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С 1851 г. финансирование Казанского университета сокращалось. С началом Крымской войны этот процесс усилился. Из «Отчетов по Казанскому университету» видно, что в 1851 г. поступило наличными 152 811 руб., в 1852 г. — 150 542 руб., в 1853 г. — 154 494 руб., в 1854 г. — 154 114 руб., в 1855 г. — 151 905 руб., в 1856 г. — 138 583 руб.
2. В ходе гимназической реформы 1849 г. во всех гимназиях КУО, кроме I-й Казанской, с 1851/1852 учебного года было прекращено преподавание греческого языка, который был заменен курсом естественных наук. Эта мера ограничивала доступ учащихся на историко-филологический факультет, так как обязательным условием при поступлении являлось знание греческого языка (см.: Начальственные распоряжения по Казанскому учебному округу, издаваемые при канцелярии попечителя. – Казань, 1852. – Т. 15. – Отд. 4. – С. 30).
3. Кроме преподавателей, переехавших в Санкт-Петербург после закрытия в Казани факультета восточной словесности в 1854 г., в северную столицу были переведены профессора И. Я. Горлов и Н. Н. Зинин (в 1847-1848 г.), Д. И. Мейер (в 1855 г.), в Дерпт — профессор Ф. А. Брауель (см.: НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 5968, л. 13; д. 7068, л. 4). В. П. Молоствову удалось отстоять и оставить в Казани профессора славянских наречий В. И. Григоровича (см.: НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 6097, л. 26; Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. Н. Погодина. – СПб., 1888-1910. – Кн. 10. – С. 172, 173).
4. По Университетскому уставу 1835 г. в Казанском университете годовой оклад жалованья ординарного профессора составлял 4 000 руб. (квартирные — 500 руб.), экстраординарного — 3 000 руб. (квартирные — 400 руб.), адъюнкта — 2 000 руб. (квартирные — 300 руб.). В столичных университетах, Санкт-Петербургском и Московском, для тех же категорий преподавателей оклады были установлены в 5 000 руб., 3 500 руб., 2 500 руб., на квартиру полагалось столько же, как и в Казани. В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. разрыв между невысоким, а порой и чрезвычайно низким жалованьем, которое получали люди умственного труда, и растущими ценами в связи с инфляцией, начавшейся во время Крымской войны, значительно увеличился (см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Николая I. 1825-1839. Отд. 1. Штаты и приложения. – СПб., 1864. – Т. 2. – С. 30-33; Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. – Казань, 1974. – С. 80).
5. В 1847 г. библиотека университета насчитывала 670 наименований восточных книг и рукописей, а к моменту закрытия Восточного разряда (1855 г.) было дополнительно приобретено еще 1 200 единиц. Один только Васильев привез из Китая в 1850 г. свыше 800 книг и рукописей в 2 474 томах. Библиотека Казанского университета стала самым крупным в России книгохранилищем в области восточной словесности и единственной в Европе по количеству монголо-тибетских сочинений (см.: Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. – Казань, 1983. – С. 90). После Указа Сената от 22 октября 1854 г. «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете и в I Казанской гимназии» в Петербургский университет передавалось богатейшее собрание восточных книг и рукописей на сумму 18 918,67 руб., в том числе профессору А. Казем-Беку за рукописи университетом с 1831 по 1848 г. было выплачено 7 145,75 руб. Покупка пособий для восточного отделения осуществлялась за счет ограничения выписки книг для других отраслей науки. Поэтому ученый совет Казанского университета ходатайствовал о предоставлении хотя бы частичной компенсации уплаченной за коллекцию А. Казем-Бека суммы, однако из-за отсутствия в Петербургском университете средств эта просьба была отклонена министром. Кроме того, университет передал свой нумизматический кабинет, за исключением европейского отдела. Для сравнения: на содержание одной дирекции училищ КУО в среднем расходовалось от 22 до 26 тыс. руб., на гимназию — 6-8 тыс. руб. в год (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 6902, л. 31, 90, 139; д. 7122).
6. Вероятно, речь шла о письме О. М. Ковалевского.
7. Имеется в виду Университетский устав 1835 г.
8. Это предложение В. П. Молоствова было признано своевременным. Постановлением от 21 ноября 1857 г. А. С. Норов разрешил «жить на частных квартирах тем из казеннокоштных студентов Казанского университета, которые сего пожелают, с получение[м] от университета суммы, назна-

* Фамилия написана простым карандашом. Ниже текст: «О перемещении Ешевского см. дело о Пыпине 6 июня 1856 [г.]».

ченной по штату на их содержание — по 142 руб. 85 1/2 коп. сереб[ром] на каждого» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7140, л. 19; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1866. – Т. 3. – № 298).

9. Прекращено с 1851/1852 учебного года. 30 мая 1856 г. по ходатайству В. П. Молоствова А. С. Норов разрешил в виде опыта допускать в студенты историко-филологического факультета молодых людей, «которые не знают греческого языка, но во всех остальных предметах, особенно в латинском языке, окажут при приеме в университет удовлетворительные познания». Обучение их греческому языку проводилось в университете (см.: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1850-1864. – СПб., 1867. – Т. 3. – № 230).

10. Вероятно, речь идет о профессоре греческого языка и словесности Раймунде Августовиче Шарбе — сыне профессора римской словесности и древностей Казанского университета А. В. Шарбе. Р. А. Шарбе 24 декабря 1858 г. был утвержден экстраординарным профессором греческого языка и словесности (о конкурсе на эту должность см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 200).

11. Ордынский Борис Иванович (1823-1861), адъюнкт латинской словесности Казанского университета (1853 г.) (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 143-144).

12. Угянский Андрей Онуфриевич (1816-1870), профессор греческой словесности (1861 г.). Преподавал греческий язык в Симбирской, затем в Первой Казанской гимназии. В 1860 г. был избран для преподавания в Казанском университете греческой словесности, но отклонил это поручение (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 180).

13. Пыпин Александр Николаевич (1833-1904), академик, историк русской литературы, этнограф, славист (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 156-157; Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Собр. и ред. Л. Б. Модзалевский. – М.-Л., 1948. – С. 773).

14. Речь идет о Буличе Николае Николаевиче (1824-1895), экстраординарном профессоре Казанского университета по кафедре русской словесности (1854 г.). В 1857-1859 гг. он находился в заграничной командировке с ученой целью (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 45).

15. Ешевский Степан Васильевич (1829-1865), профессор русской истории. В 1855 г. был избран адъюнктом русской истории Казанского университета, где читал лекции до осени 1857 г. (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 80-84).

16. Славянский Михаил Иванович (1847-1873), адъюнкт Казанского университета по кафедре всеобщей истории (1847 г.) (см.: Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / Собр. и ред. Л. Б. Модзалевский. – М.-Л., 1948. – С. 796).

17. Соколов Авдий Иванович (1824-1893), преподаватель славянских наречий в Казанском университете (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 165-167).

18. Попов Нил Александрович (1833-1891), профессор русской истории. В 1857 г. назначен и. д. адъюнкта по кафедре русской истории Казанского университета. В 1860-1888 гг. — и. д. адъюнкта, затем адъюнкт, экстраординарный и ординарный профессор русской истории Московского университета.

19. Козлов Александр Илларионович (1816-1893), профессор акушерства и женских болезней Казанского университета (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904) / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 2. – С. 228-230).

Рис. на с. 157: Турин В. С. Императорский Казанский университет. Литография. 1834 г. Казань — Kazan: 1005-2005. – СПб., 2005.

Публикацию подготовила
Светлана Фролова,
кандидат исторических наук